

АВГУСТЪ

1915

АЛЕКСѢЯ РЕМИЗОВА
КАВКАЗСКАЯ СКАЗКА.

Рисунки С. Лодыгина.

1.

Жилъ-былъ молодецъ, охотникъ, стрѣлокъ первый—Тариханъ. Задумалъ Тариханъ жениться, да нѣтъ ему жены по сердцу: какую ни встрѣтитъ, все не его, все не такая—и мила, да не чиста, и чиста, да не люба. Осѣдлалъ Тариханъ коня и поѣхалъ изъ города прочь.
— Живите, мнѣ у васъ не житье!
И!—какъ поѣхалъ.

На безлюдѣ въ лѣсу у старой часовни построилъ себѣ домъ Тариханъ и сталъ себѣ жить-поживать одинъ въ лѣсу.

Утромъ съ солнцемъ встаетъ, умывался изъ лѣсного ручья, постоитъ въ часовнѣ, помолится, а потомъ на охоту. И весь день на охотѣ. Оленя-ль убьетъ или ланя, очиститъ—шкуру выброситъ, вырѣжетъ хороший кусокъ и домой. А дома его никто не ждетъ. Даже собаки не было. Одинъ, да съ нимъ конь.

И наскучила Тарихану одинокая лѣсная жизнь.

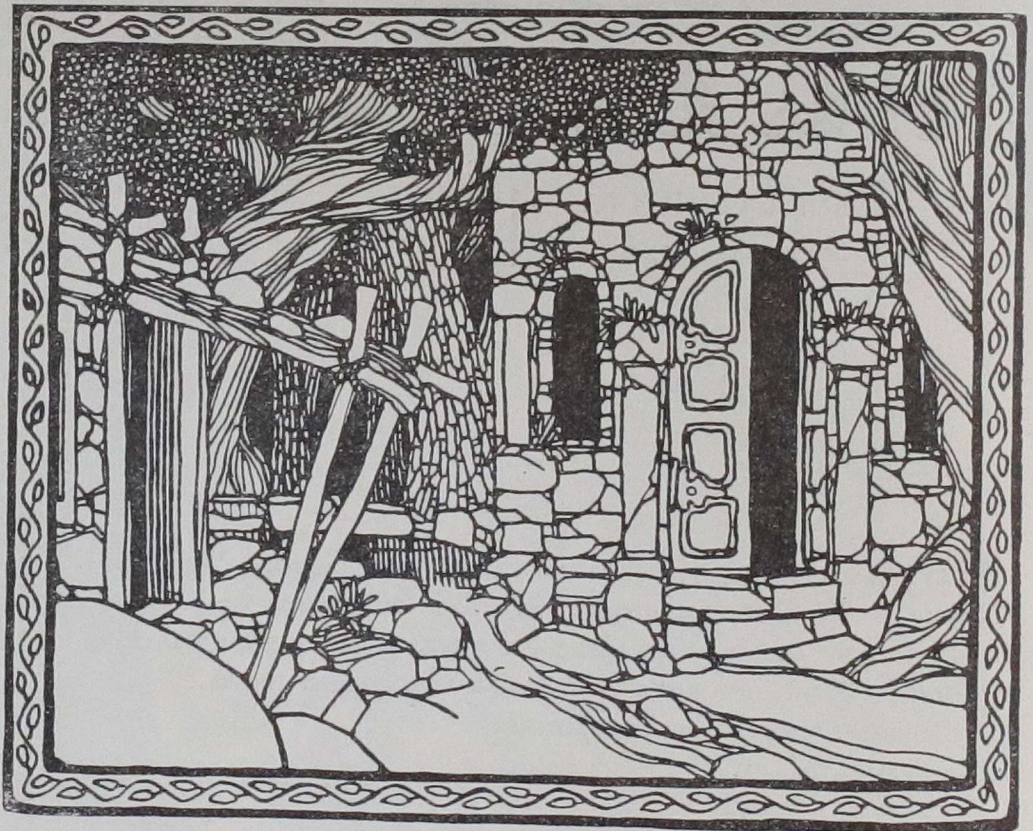
Тамъ, въ городѣ, отъ людей никуда не дѣнешься, а тутъ, въ лѣсу, отъ себя не уйдешь.

Заскучалъ Тариханъ,—и не милъ ему лѣсной ручей, старая часовня не молитвенна, и охота не въ охоту, и самъ суровый неизмѣнный лѣсъ постылъ.

И покинул Тариханъ свой лѣсной домъ, повернулъ коня съ родной земли на чужую сторону.

Вотъ заѣхалъ Тариханъ далеко въ деревню дальнюю. У околицы стоитъ дѣвица: проводила ли кого, дожидаетъ ли?

Соскочилъ Тариханъ съ коня, поздоровался.

На безлюдѣ въ лѣсу построилъ себѣ домъ Тариханъ.

— Что, красавица, принимаешь гостя?

Обернулась, посмотрѣла на него.

— У меня, — говоритъ, — шесть братьевъ и всѣ шесть, какъ ты, такіе. Отведи коня своего въ сарай, чаемъ тебя угошу. Только не могу я быть съ тобой, пока братья не вернутся.

Вечеромъ вернулись братья и всякъ съ своей добычей: кто съ медвѣдемъ, кто съ оленемъ, кто съ лосю, кто съ волкомъ.

Увидали братья Тарихана — сидитъ Тариханъ за самоваромъ, чай распиваетъ — и прямо съ распросомъ: кто такой, зачѣмъ и откуда?

— Какъ величать намъ тебя, братъ нашъ седьмой?

— Я вамъ не братъ, я съ чужой стороны, Тариханъ.
 — Кѣмъ же ты желаешь быть намъ?—спросилъ старшой.
 — А хочу я взять замужъ вашу сестру.
 И не думали братья, не сговаривались, ударили по рукамъ и въ ту же
 ночь свадьбу сыграли.
 Простилась сестра съ братьями. Посадилъ ее Тариханъ къ себѣ на коня,
 да только и видѣли.

И покинулъ Тариханъ свой лѣсной домъ.

И! какъ мчалъ ихъ конь съ чужой стороны черезъ горы, черезъ рѣвки, въ родную землю, гдѣ у лѣсной часовни тихій ручей течетъ и ни души кругомъ, одинъ неизмѣнный лѣсъ.

2.

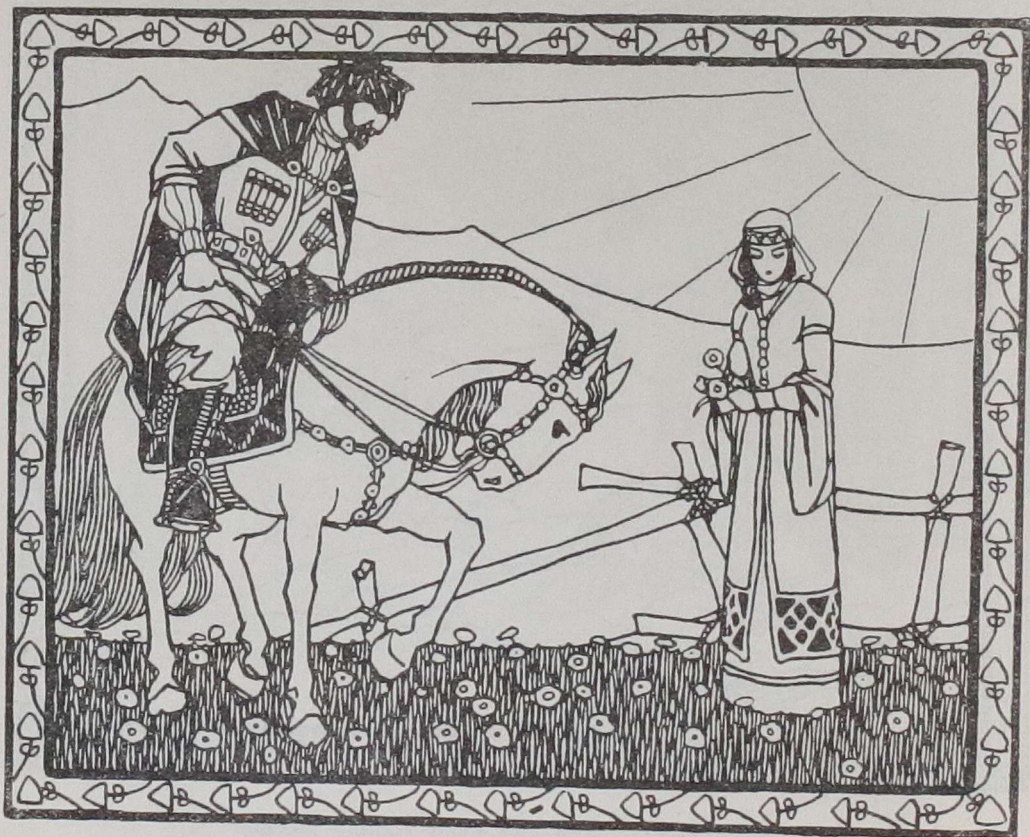
Хорошо было житье въ лѣсу на безлюдѣ у лѣсного ручья.

Съ солнцемъ вставалъ Тариханъ, шелъ въ часовню, постоять на молитвѣ, а потомъ на охоту. И весь день на охотѣ и только къ вечеру съ добычей домой. Дома встрѣчаетъ жена. И пока онъ готовитъ ужинъ, жена

часъ—другой водить коня и, поведивъ, убереть и накормить. Тутъ и столъ готовъ. Поджидаетъ жену Тариханъ. И входитъ она, цѣлуетъ его, молятся вмѣстѣ и ужинать.

Хорошо было житье въ лѣсу у лѣсного ручья.

А проходилъ по тѣмъ мѣстамъ непроходимымъ чужой молодець, тоже охотникъ, такъ, не чета Тарихану, млявый. И видитъ, сидитъ на крылечкѣ

Что, красавица, принимаешь гостя?

жена Тарихана. Долго стоялъ молодець, все глядѣлъ на жену Тарихана и ушелъ, прошелъ лѣсъ, вышелъ къ городу, въ городъ шель, а самъ видѣлъ, на крылечкѣ жена Тарихана.

Что ему дѣлать? Отыскалъ онъ въ городѣ старуху-ворожбуху. И разска- залъ старухѣ, какъ встрѣтилъ и не можетъ забыть, а кто она, чья, не можетъ сказать.

— Какъ бы такъ, бабушка, сдѣлать, познакомиться съ ней?

— Можно,—сказала старуха,—это жена Тарихана, живутъ на безлюдѣ. Это можно.

И общала старуха: она купить товару, съ коробомъ пойдетъ къ тѣмъ мѣстамъ непроходимымъ, зайдетъ у ручья въ часовню, станетъ молиться, ее окликнетъ жена Тарихана, ну, и все тогда будетъ.

— Будьте покойны!

Даль молодецъ старухѣ на товаръ денегъ, простился и сталъ себѣ ждатель-поджидать добрыхъ вѣстей.

А хочу я взять замужъ вашу сестру.

Какъ сказала старуха, такъ все и сдѣлала. Съ коробомъ пробралась она до лѣснаго ручья, зашла въ часовню, стала молиться. Окликнула ее съ крылечка жена Тарихана. Вышла старуха изъ часовни, сбросила съ плечъ коробъ, раскрыла его, развернула товары.

— Не купите ли?—а сама такъ и смотритъ.

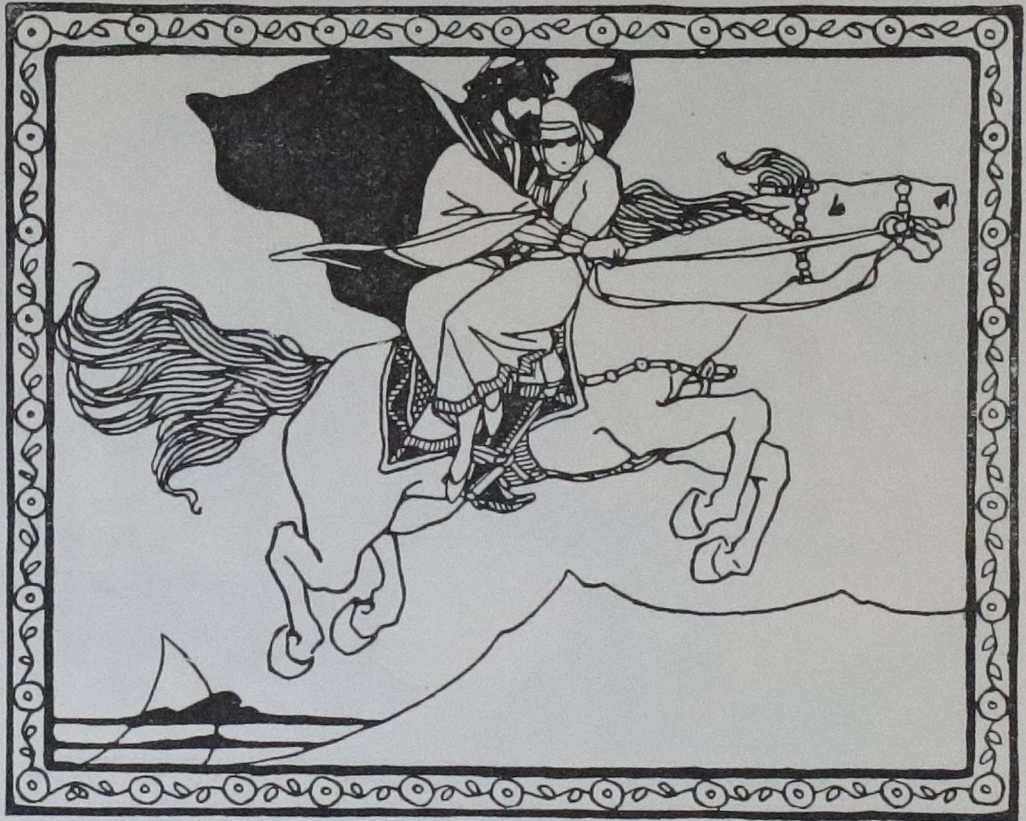
Стала жена Тарихана разглядывать товары.

Стала ей старуха свое выговаривать.

— Ой, какая, — говорила старуха, — день-то деньской все одна! Какая красивая, а живешь, ровно звѣрь, въ лѣсу. Ты слыхала ли про царя Нар-

бега?—царь такой самый первый! Вотъ пойдешь за него замужъ, вотъ тебѣ будетъ жизнь. Будешь царицей,—жена царя Нарибегъ! Да развѣ можно такой въ лѣсу жить, и все одна. И кто такой твой мужъ? Да царь Нарибегъ твоего мужа схватитъ и, какъ яблоко, сдавитъ, только сокъ потечетъ. Вотъ онъ какой царь Нарибегъ!

Молча слушала старуху жена Тарихана, перебирала товары, а глаза ея гдѣ-то далеко бродили.

И! Какъ мчалъ ихъ конь съ чужой стороны.

— А какъ, бабушка, устроить это дѣло, я хочу къ царю Нарибегу.

А старухѣ этого-то только и надо, и рассказала старуха женѣ Тарихана, что ей перво-на-перво дѣлать, чтобы попасть къ царю Нарибегу.

— Вернется мужъ, — учила старуха, — а ты не выходи, ты не встрѣчай и коня его не бери водить, а спросить, все и скажи: что, молъ, ты за человекъ такой? и гдѣ мы живемъ? и развѣ мнѣ такое надо?

— И я попаду къ Нарибегу?

— Попадешь обязательно. Самъ придетъ.

Взвалила старуха къ себѣ на плечи коробъ и пошла, понесла отъ крылечка добрыя вѣсти.

Осталась одна жена Тарихана и съ ней дума одна: одна дума о царѣ Нарибегѣ.

Ужъ едва дождалась она вечера. Мѣста себѣ не находитъ. Все ей постыло: и домъ и ручей текучій лѣсной и часовня и лѣсъ. Такъ бы съ землей и сравняла. Нѣтъ, и по шейку поставь ее въ золото, ни за что не останется. Едва дождалась она мужа: и увидѣла, а не вышла, увидѣла—не встрѣтила и коня не взяла.

Хорошо было житье въ лѣсу у лѣснаго ручья.

— Что такое? что случилось?—ничего Тариханъ понять не можетъ.

Съ сердцемъ крикнула мужу:

— Обманщикъ! Обмануль ты меня! Думала я, нѣтъ никого на бѣломъ свѣтѣ сильнѣе и нѣтъ больше такого, какъ ты, и что же?—царь Нарибегъ лучше тебя!

— Ладно,—сказалъ Тариханъ,—я вотъ поѣду сейчасъ и увидимъ! Будетъ тебѣ голова Нарибега.

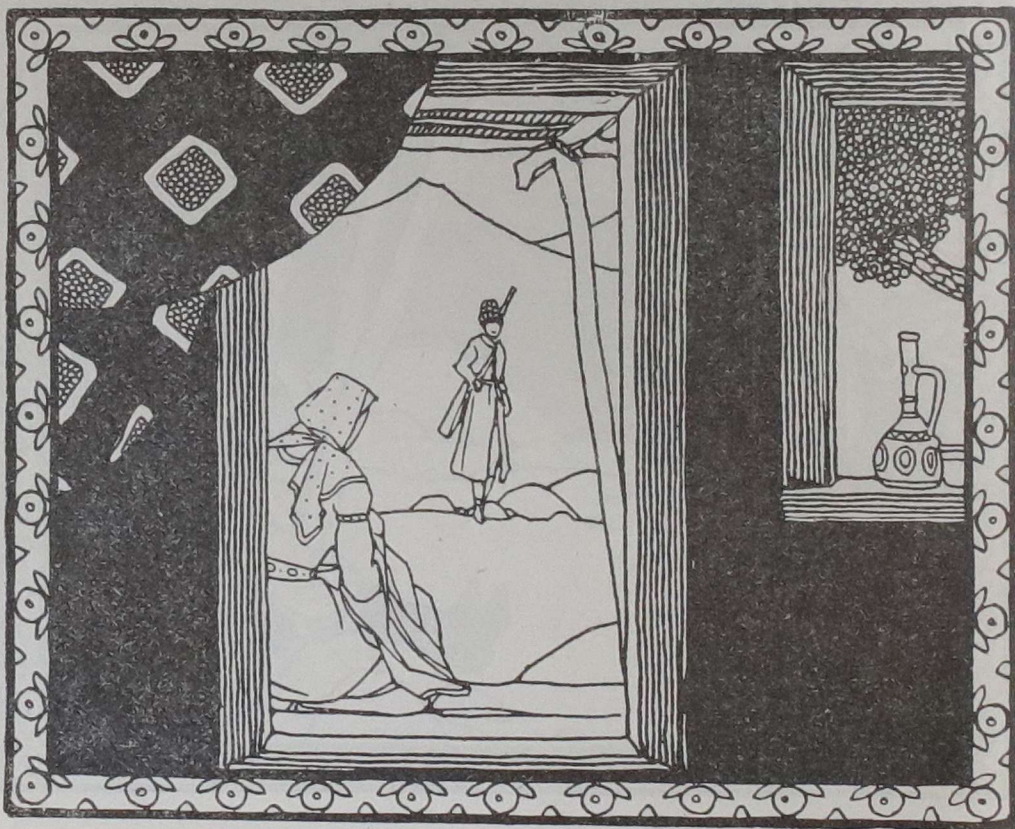
Да какъ свистнеть да такимъ свистомъ, и на посвистъ сталъ его конь,—какъ и дня не бывало.

Вскочилъ Тариханъ на коня, крѣпко плетью ударилъ.

— Завтра же къ утру въ царство царя Нарибегъ!
Конь рванулся, только вѣтеръ свиститъ.

3.

Только вѣтеръ свиститъ. Только вѣтеръ. Конь, какъ вѣтеръ. И что въ сутки, то въ часъ. Ночь пролетѣла. Ужъ заря занимается. Вѣрный, къ утру конь домчалъ Тарихана и у дворцовыхъ воротъ Нарибегъ сталъ.

Проходилъ по тѣмъ мѣстамъ чужой молодецъ.

Спрыгнувъ съ коня Тариханъ у дворцовыхъ воротъ, поводитъ коня — паръ такъ и валитъ! Самъ коня водить, самъ кричитъ во весь голосъ, зоветъ Нарибегъ.

— Выходи, выходи, царь Нарибегъ, хочу съ тобой драться!

А стоялъ у крыльца стражникъ, слышитъ, кто-то недобро кличетъ, взглянулъ, — человекъ какой-то чужой, — да скорѣе къ царю.

— Какой-то человекъ у воротъ коня водить, самъ царя лаеетъ: «Хочу, говорить, драться съ царемъ!».

— А поди и скажи ему, — сказалъ Нарибегъ, — пускай идетъ во дворецъ,

выпьемъ чаю, а потомъ ужъ, коли такая охота ему, будемъ драться. Миѣ все равно.

Пошелъ стражникъ къ воротамъ, отворилъ ворота и передалъ Тарихану царское слово.

— Да что жъ это,—сказалъ Тариханъ,—это я пойду чай пить, я хочу драться! Еще пойдешь, свяжете, обманете, я живьемъ не дамся!

Три раза посылалъ Нарибегъ, три раза ходилъ отъ царя къ Тарихану стражникъ и всякій разъ одно и то жъ.

Вотъ онъ какой царь Нарибегъ!

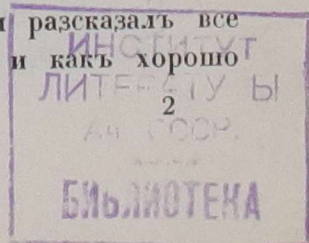
И надоѣло Тарихану съ этимъ чаемъ—«иди чай пить, а потомъ драться!»—Привязалъ онъ коня у воротъ и пошелъ во дворецъ,—будь, что будетъ!

На крыльцѣ встрѣтилъ Тарихана самъ царь, поздоровался и, какъ гостя, ввелъ въ свою царскую горницу.

— Что, по какому дѣлу пожаловалъ?—и просить къ столу.

А на столѣ самоваръ, такъ и кипитъ самоваръ.

Присѣлъ Тариханъ къ столу—ничего не подѣлаешь!—и по правдѣ, какъ они жили съ женой въ лѣсу на безлюдьѣ и

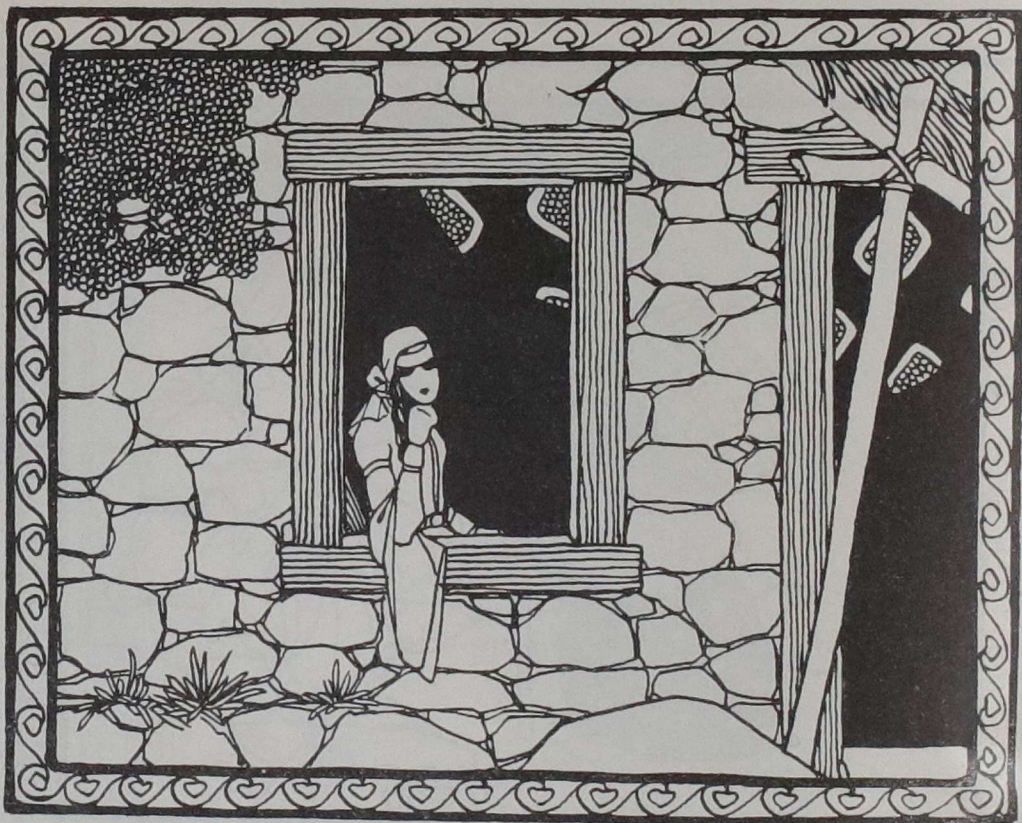

они жили, и потомъ какъ жена его встрѣтила, и какъ ему горько отъ ея неправыхъ упрековъ.

Засмѣялся Нарибегъ.

— Ну, и молодъ же ты, Тариханъ, ничего еще не понимаешь!—налиль гостю чаю и себѣ взялъ стаканъ.

Сидѣлъ Тариханъ за столомъ, пилъ чай, а и вправду, ничего-то не могъ понять.

Одна дума о царѣ Нарибегѣ.

— **З**наешь, — сказалъ Нарибегъ, — первая жена моя померла, и я женился на другой. Былъ я очень богатъ, а когда женился, сталъ бѣднѣть. Много было у меня лошадей, много табуновъ. И кормилъ я лошадей кишмишомъ, — хорошіе были кони! И вотъ сталъ я замѣчать, стали мои кони худѣть. Позвалъ я конюха.

«Что, — говорю, — за причина съ конями? Коли кишмиша не хватаетъ, можно еще добавить!»

Конюхъ миѣ въ ноги.

«Не вели, — говорить, — казнить, вели слово молвить! — ну, и поразскажалъ.

И что же оказалось! Всякую ночь ровно въ полночь приходила моя жена къ конюху и приказывала осѣдлатъ лошадей для себя и для матери, — моей тещи. И съ конюхомъ всякую ночь выѣзжали онѣ въ лѣсъ. А въ лѣсу разбойники жили—двѣнадцать разбойниковъ, шайка,—и какъ разъ къ этимъ разбойникамъ онѣ и прѣѣзжали. Тамъ имъ встрѣча, тамъ ужъ ихъ ожидаютъ—и шла гульба до третьихъ пѣтуховъ, а потомъ домой. И всякій разъ конюху попадало: либо кулакомъ, либо плетью по мордѣ.

Выходи, царь Нарибегъ, хочу съ тобой драться.

Я ему и говорю:

«Вотъ что, давай-ка мнѣ свою одѣжу, и лягу я нынче въ твоей камеркѣ.»

Еще съ вечера обрядился я конюхомъ, жду полночи. И въ полночь, какъ говорилъ конюхъ, такъ и вышло, пришла жена, велѣла лошадей осѣдлатъ. Ну, у меня загодя все было приготовлено, и сейчасъ же поѣхали, и прямо въ лѣсъ къ тѣмъ разбойникамъ. И шла гульба до третьихъ пѣтуховъ. Пришло время домой ѣхать. Съ полпути я схватился.

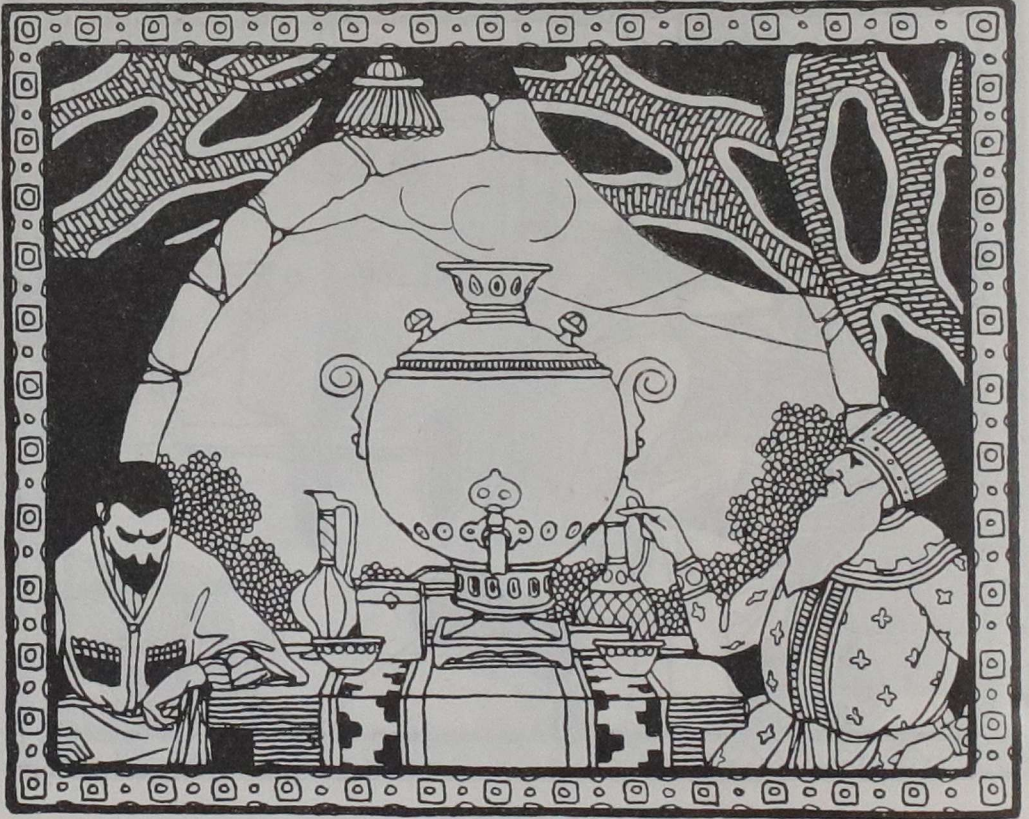
«Какъ быть,—говорю,—я тамъ уздечку забылъ!».

«А,—говорять,—забылъ!»—да по мордѣ: то одна, то другая.

А дѣлать нечего, вернуться мнѣ надо. Я и вернулся. Вхожу въ разбойничій домъ, а тамъ пьянымъ пьяно. А была у меня хорасанская шашка — чуть ударишь, пополамъ перерѣжетъ. Тутъ я ихъ всѣхъ двѣнадцать—всѣмъ головы прочь, да въ сумку, и съ сумкой домой. Не нагналъ ужъ, одинъ пріѣхалъ. Поблагодарилъ конюха.

«Отнеси,—говорю сумку, положи ко мнѣ подъ кровать!»—а самъ снялъ конюхову одежду и пошелъ къ себѣ.

На утро вызываю жену. Пришла.

Сидѣль Тариханъ опустивъ голову...

«Что тебѣ надо? Что ты меня беспокоишь?»

«Охъ,—говорю,—какой я сонъ видѣлъ! А снилось мнѣ, будто ѣхалъ я съ тобой да съ тещей въ лѣсъ, заѣхали къ разбойникамъ, а возвращаясь, забылъ я у нихъ уздечку, сказалъ тебѣ, и ты меня крѣпко ударила, вотъ какой сонъ дурной!—а самъ руку подъ кровать, вытащилъ сумку, развязалъ, вывалилъ головы,—а не знаешь ли этихъ?»

«Не знаю».

«Двѣнадцать, — говорю, — а это вотъ тринадцать!» — да шашкой ее по шеѣ.

Къ тещѣ я самъ пошелъ и сумку понесъ — тринадцать головъ. Разбудилъ тещу. Разказалъ ей сонъ. Вывалилъ головы. Тоже не узнаетъ. «И эту не узнаешь?—показываю на тринадцатую. Не узнаетъ. Тутъ прибавилъ я къ тринадцати и четырнадцатую!

Сидѣлъ Тариханъ, опустивъ голову, слушалъ царя Нарибегъ, а мысли тамъ были, у лѣснаго ручья въ лѣсномъ домѣ.

Стой! Это самъ царь Нарибегъ.

— Ну,—сказалъ Нарибегъ,—повъжай-ка скорѣе домой, желаемъ тебѣ всего хорошаго!—и проводилъ гостя до самыхъ воротъ.

Стрѣлой летѣлъ конь. Не за счастьемъ спѣшилъ Тариханъ. Теперь понималъ онъ, только не вѣрилъ, вѣрить не хотѣлось. За бѣдой спѣшилъ Тариханъ.

И когда достигъ онъ ручья, какъ онъ просилъ, чтобы все было не такъ, чтобы его обманулъ Нарибегъ—и сердце билось, какъ его просьба.

Никто его не встрѣтилъ, никто его не ждалъ.

И вошелъ онъ въ домъ и увидѣлъ жену: была жена съ молодцомъ, — такъ себѣ, млявый такой.

Схватилъ Тариханъ шашку: кого напередъ?

— Стой! Это самъ царь Нарибегъ!—закричала жена.

И вспомнилъ Тариханъ о конѣ, о своемъ вѣрномъ конѣ: надо коня поводить!—бросилъ шашку и вышелъ.

А тотъ, Нарибегъ, въ чемъ былъ, лататы.

Такъ и остался Тариханъ съ женою жить-поживать у лѣснаго ручья на безлюдьѣ. День на охотѣ, а вечеромъ вернется домой, гость ужъ сидитъ, какой Нарибегъ.

Хорошо житье на безлюдьѣ, тамъ лѣсной ручей течетъ и часовня стоитъ и кругомъ одинъ лѣсъ неизмѣнный.

*Алексѣй Ремизовъ *)*.

¹⁾ Въ основу положена сказка, рассказанная Сергѣемъ Матвѣвичемъ Долмазовымъ, крестьяниномъ селенія Коды, стражникомъ, а записалъ сказку Николай Андреевичъ Чернявскій.